

В процессе путешествия по свету авторская песня частенько теряет своих авторов, и в концерте ее объявляют русской народной.

На следующий день Юлий Ким (действительный автор песни «Губы окаянные») отвечает на телефонные звонки фразой: «Русский народ слушает». Александру Городницкому на Колыме показывали могилу автора песни «На материк, на материк ушел последний караван».

Алексей Петрович Охрименко очень даже мог представляться новым знакомым, как «великий и могучий русский народ». Его фамилия мало кому что говорит.

Мы-то с вами знаем, что его «Батальонный разведчик» — это классика современного городского романа. Алексей Петрович этого не знал.

«Я, — говорил он, — не классик, я — просто пока живой». И улыбался, когда ему приходилось выслушивать претензии по поводу неуважительного отношения к Софье Андреевне Толстой или, скажем, к Шекспиру.

«В 1947 году демобилизовались мой старый друг Сережа Кристи и мой, тоже старинный товарищ, Володя Шрейберг, который жил в соседнем доме, в Чистом переулке. Мы стали собираться втроем: Володя садился к фортепиано, я приходил с гитарой, и постепенно возникли эти песни.

Надо сказать, что высокой идейностью эти сочинения и не пахли. Потому долгое время вообще не записывались и хранились только в памяти. Компания, собиравшаяся в Чистом переулке, относилась к своему творчеству уважительно, был даже придуман коллективный псевдоним «Тростей Зонтов» (чем мы хуже Козьмы Пруткова?), но поскольку их нигде не печатали, то и псевдоним был

«Я БЫЛ БАТАЛЬОННЫЙ РАЗВЕДЧИК»

Новая заг-
1999-1-7
март-с.23

Мало кто знает, что это написал Алексей Охрименко

исключительно для внутреннего пользования.

Насколько биографична песня про батальонного разведчика, не знаю. Думаю, что вполне автобиографичная цитата из другой песни «Пьер Беранже, Пьер Беранже, на букву «б», но не на букву «ж».

Выпивал Алексей Петрович красиво и со вкусом:

**Соблюдайте традицию,
Нашу самую русскую,
Запивайте водичею,
Заедайте закусочку.**

И философски относился к совершенно ерофеевскому финалу:

**Твоя, о Господи, воля!
Твоя святая икона.
Погибну от алкоголя,
От синего самогона.**

И никакой проповеди о нравственности, ни на

йоту дидактики, очень приземленно:

**Сосудик в мозге оборвался, а?
Товарищ в морге оказался, а?
Надо бы почище**

**облачить его,
Надо на кладбище**

оттащить его.

На сцене с гитарой АП появлялся редко («Мне пуля попала в левую кисть. Поэтому мой аккомпанемент несколько убог». — Интервью «Эхо Москвы». Январь, 1993). Возникает странная мысль, что Алексей Петрович и зрители не воспринимали друг друга. Для зрите-

лей песни Охрименко были народными песнями, автор за ними не просматривался. А ему было неловко заявлять публично о своем авторстве. Хбтя...

**Соблюдайте дистанцию,
Не читайте нотации,
Собирайте квитанции
Для реабилитации.**

Он был — до, до того, как зазвучали Окуджава и Высоцкий, до «Язузы», запевшей голосом Галича, до спичечного коробка, аккомпанировавшего Юзу Алешковскому...

Небольшой такой, не претендующий на главную роль в подвиге, динозавр Алексей Петрович Охрименко.

Мы очень мало успели пообщаться с ним, за что до сих пор неловко.

● Нателла БОЛТЯНСКАЯ

Алексей ОХРИМЕНКО

Я был
батальонный разведчик.
А он — писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой.
Ой, Клава, родимая Клава,
Ужели судьбой суждено,
Чтоб ты променяла, шалава,
Орла на такое говно?
Забыва красавца мужчину,
Позорила нашу кровать...
А мне от Москвы до Берлина
Все время по трупам шагать.
Шагал, а порой в лазарете
В обнимку со смертью лежал.
И плакали сестры, как дети,
Ланцет у хирурга дрожал.
Дрожал,
а сосед мой — рубака,
Полковник и дважды герой,
Он плакал,
накрывшись рубахой,
Тяжелой слезой фронтовой.

Гвардейской слезой
фронтовую
Стрелковый рыдал батальон,
Когда я геройской звездой
От маршала был награжден.
А вскоре вручили протезы
И тотчас отправили в тыл.
Красивые крупные слезы
Кондуктор на литер пролил.
Пролил, прослезился, собака,
А все же сорвал четвертак!
Не выдержал, сам я заплакал,
Ну, думаю, мать вашу так!
Грабители, сволочи тыла,
Как терпит вас наша земля?
Я понял, что многим могила
Придет от мово костыля.
Домой я, как пуля, ворвался,
И бросился Клаву лобзать.
Я телом жены наслаждался,
Протез положил под кровать.
Болит мой осколок железа
И режет пузырь мочевого.
Полез под кровать за
протезом,
А там писаришка штабной.
Штабного я бил в белы груди,

Сшибая с грудей ордена.
Ой, люди! Ой, русские люди!
Родная моя сторона!
Жену-то я, братцы,
так сильно любил,
Протез на нее не поднимался.
Ее костылем
я маненько побил
И с нею навеки распрощался.
С тех пор предо мною
все время она,
Красивые карие очи,
Налейте, налейте стакан
мне вина,
Рассказывать нет
дальше мочи.
Налейте, налейте
скорей мне вина,
Тоска меня смертная гложет.
Копейкой своей
поддержите меня,
Подайте, друзья,
кто сколь может.

(Записано по выступлению Алексея Охрименко в прямом эфире радио «Эхо Москвы», январь 1993)